

ЧЕХАРТМА И ЧЕРЕМША

Данс-театр Джиджи Качиулеану

Майя Крылова

Мифологии

ДЖИДЖИ КАЧИУЛЕАНУ был известен у нас как постановщик «Безумной из Шайо» — балета, сделанного для Майи Плисецкой. Театральный центр «Весь мир» привез в Москву три его небольших спектакля, где Качиулеану выступает как хореограф и исполнитель.

Румын, учившийся классике в России и авангарду в Германии. Друг Пьера Кардена (купюрье посвятил ему одну из своих коллекций). Французский хореограф, возглавлявший Гран-при в Нанси и Рен-Бретань в Бретани. Руководитель собственной труппы «Балет Качиулеану», в которой проводит эксперименты с «подвешенным движением». (Так Качиулеану описал особенности своей хореографии: ему интересно не позы сочинять, а обозначать точки начала и конца пластической линии, когда важнее всего смена ракурсов, перебирание возможностей).

Два из трех увиденных балетов поставлены в 1978 году: «Комедия» по мотивам произведений Мольера и «Взаимодействия». Первый —

дань истории театра: музыка Люлли, приемы комедии дель арте и площадных фарсов, разыгрываемых бродячими артистами. Используя «турецкие» мотивы «Мещанина во дворянстве», Качиулеану создает дивертисмент из коротких номеров, без сюжета и повествования. Просто танцовщики в ярких балахонах-шароварах с набеленными лицами, обыгрывают «театр пощечин», гротескно стилизуя реверансы XVII века и па из старинных танцев.

«Взаимодействия»: вариации на тему «Послеполуденного отдыха фавна» Дебюсси. В электронном переложении Томиты музыка журчит, как водный поток. И рождает соответствующие ассоциации: танцовщики (по-классически пластичная Роксана Раковитца и Джиджи Качиулеану) движутся, словно плывут тягуче, сопротивляясь вязкому пространству. С пространством играют: его отталкивают, собирают в комок, принимают к телу. Качиулеану помнит о поэме Малларме — отсюда и мотив волны. И о первом балетном интерпретаторе «Фавна» он тоже не забывает. Знаменитые профильные позы Нижинского проходят «вторым планом».

Потом был Чехов. «Осколки зеркала» по мотивам рассказов. «Черемша вовсе не мясо, а растение

вроде лука. — Нет-с, мой ангел. Чехартма не лук, а жаркое из баранины». «Если бы вокзал был близко, он был далеко, но так как он далеко, он не близко». Произносятся полубезумные в своей обыденности тексты, музыка А.Аренского звучит как трехсестринский призыв «В Москву! В Москву!» Сквозь хлопающие двери, выстрелы за сценой и вой ветра проходят безымянные персонажи (то ли из «Палаты № 6», то ли из «Иванова» или «Чайки» — точных адресов нет, они не важны, важна нота мучительной тоски и страстей, рассыпающихся в прах). Движутся, как осколки, не соединяясь в целое, говоря каждый о своем. И соединяются только в финале, когда с колосников спускаются на веревочках бутафорские силуэты чаек, под «очи черные» вальсирует одинокая пара. А маленькая толпа в одинаковых серых пальто мучительно (или с надеждой) смотрит вдаль.

Роковой абсурд Чехова, надрыв Достоевского... Этот балет не по конкретному писателю поставлен. А по вечному нашему «скудно жить на этом свете, господа». Данс-театр Качиулеану в «Осколках» — французский очень выстроенный взгляд на вечные темы русской литературы. На загадочную расхристанность русской души.

Незабываемая работа - 1956. - 26 апр. -

с. 7.